

Александр ВАСЬКИН

КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ: ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ЛЕНИНГРАДА В МОСКВУ

Корней Иванович Чуковский — автор не только многих знакомых нам с детства прекрасных стихов, но и очень верного и точного афоризма, который можно было бы использовать в качестве транспаранта на родильных домах. Вениамин Каверин рассказывал: «Он не провожал меня до выходных дверей (надо было спускаться по лестнице), а выходил на балкон, провозглашая с неизменным, поучительным выражением: „В России надо жить долго. Долго!“ <...> Его семидесятилетие было отмечено единственным подарком: соседи по дому отдыха (кажется, в Болшеве) подарили ему гипсовый бюст Мичурина. Уезжая, он „забыл“ его под кроватью, и соседи немедленно прислали бюст на городскую квартиру». Кто бы из нас сомневался, что в России надо жить долго и что долго жить (в принципе) никому не помешает.

Чуковский прожил (выполняя собственное предназначение) 87 лет. Из них последние три десятка лет — в Москве. Хотя где он только не жил. Например, в Петербурге, где появился на свет 19 (31 по н. с.) марта 1882 года в семье полтавской крестьянки Екатерины Осиповны Корнейчуковой и студента Эммануила Соломоновича Левенсона. Под фамилией матери он и начал свое земное существование — Корнейчуков, а звали его Николаем (Корней Чуковский — это псевдоним писателя). Детство прошло в Одессе, тоже неплохом городе с литературной точки зрения.

В Государственном музее истории русской литературы имени Даля хранится автобиография Чуковского, датированная 1946 годом. В что я в ней прочитал. Корней Иванович пишет, что после того, как его отец «покинул мою мать, она с двумя детьми переехала на житье в Херсон, так как в одной из херсонских деревень жил

Александр Анатольевич Васькин — писатель, культуролог, историк. Родился в 1975 году в Москве. Окончил Московский государственный университет печати. Лауреат Горьковской литературной премии (2009), лауреат конкурсов «Лучшая книга года», лауреат Всероссийской историко-литературной премии Александра Невского (2019), автор множества публикаций и книг. Печатался в журналах «Новый мир», «Вопросы литературы» и др. Живет в Москве.

ее брат, крестьянин. Впоследствии она переселилась в Одессу. Очевидно, отец давал ей вначале деньги на мое иждивение: меня отдали в одесскую гимназию, из шестого класса которой я был исключен. Впоследствии я сдал экзамен на аттестат зрелости. Перепробовав много профессий, я с 1901 года стал печататься в «Одесских новостях»...»¹

Приходилось Николаю-Корнею жить и в Лондоне, в Берлине, в Киеве и Минске. Так что адресов он оставил после себя превеликое множество. Но! В Москве у него была одна-единственная квартира на улице Горького, именно о ней и упоминает Вениамин Каверин, когда пишет о странном подарке соседей по дому отдыха. При чем здесь Мичурин, кстати? Иван Владимирович тоже был поборником идеи долговременного существования на планете Земля.

И по сей день все, кто, поднимается от Охотного Ряда вверх по Тверской улице, натываются взглядом на мемориальную доску с ликом «дедушки Корнея» — по чьей-то воле она приделана слишком высоко, потому дотянуться до нее непросто (чтобы не клали что ни попадя?). Без лестницы не обойтись, если захочется возложить букет гвоздичек. И все же небольшие букетики искусственных цветов там можно увидеть часто. Вероятно, кто-то из родни специально приходит к «сталинскому» дому № 6 со стремянкой. И ведь есть за что благодарить: своих потомков плодovitый «дедушка Корней» обеспечил авторскими отчислениями на много лет вперед.

Корнея Ивановича можно назвать счастливым человеком, ибо он попробовал себя почти во всех литературных ипостасях: поэт, прозаик, публицист, критик, переводчик, литературовед, журналист, драматург, сценарист. И не только попробовал, но и реализовался. Где-то с большим успехом, где-то просто хорошо. А еще — фантаст, да-да. А как же иначе? Ведь у него самовар и умывальник разговаривают. В те времена это было невозможно представить, а сегодня — пожалуйста! Люди разговаривают с пылесосами, холодильниками и даже телевизорами, отдавая им приказания включиться или замолчать... Фантаст, мечтатель, фантазер Корней Иванович Чуковский.

Впервые в Первопрестольной двадцатидесятилетний Чуковский оказался в 1903 году, к тому времени его успели уже исключить из одесской гимназии (в 1898 году — жалели небось потом!). А в 1901 году вышла его дебютная публикация в «Одесских новостях». В этой же газете в апреле 1903 года увидели свет и «Московские впечатления» — своеобразный отчет о состоявшейся поездке. О самой Москве автор статьи сообщает крайне мало, уделяя место рассказу о посещении московского литературно-художественного кружка, что собирался в те годы **на Воздвиженке, в доме Базилевского**. Позднее на этом месте было выстроено здание Военторга (совр. адрес **Воздвиженка, 10**). Кружок был вовсе не «кружком», а полноценным творческим клубом, где с 1899 года собирались видные деятели русской культуры и науки: художники и писатели, ученые и артисты, общественные деятели. Приходили в кружок, чтобы «чувствовать себя свободно, отдыхать и общаться со своими людьми, с товарищами по стремлениям, по просту и без церемоний, как в своей семье», как говорил Николай Телешов. Позднее, начиная с 1930-х годов, эту важнейшую функцию приняли на себя отдельные клубы «по направлениям»: Дом литераторов, Дом архитекторов и т. д.

Чуковский пишет о кружке: «Представьте себе вот такой вечер. Тема лекции: „Леонид Андреев, как художник“ или что-то в этом роде. Лектор, педагог по профессии, отчетливо и ясно пересказывает „своими словами“ содержание всех рассказов г. Леонида Андреева. Так и мелькают фразы: „Горе от ума“, эта бессмертная комедия Грибоедова, „Сентиментализм, сменивший ложно-классицизм и сменившийся романтизмом“, „произведения Леонида Андреева, разбитые на три группы“, „реально-бытовая сторона творчества Л. Андреева“». Описывает Корней Иванович и «тяготение к буфет-

¹ Чуковский Корней Иванович. Автобиография. ГЛМ КП 54835/1122.

ным подкреплениям». И не случайно — благодаря богатому ассортименту клубного буфета — семейная атмосфера наступала еще быстрее. Побывал Чуковский и у самого Леонида Андреева, что жил тогда **на Средней Пресне (совр. улица Заморенова, 34)**. О визите в Москву Корней Иванович теперь мог поделиться и с молодой женой — в мае 1903 года он венчается в Одессе с Марией Борисовной Гольдфельд...

Приезжая в Москву и позже, останавливался Корней Иванович в основном в гостиницах, коих было на любой вкус — больших и малых, дорогих и дешевых. Правда, где бы он ни жил, результат был одинаков: Чуковского мучила бессонница. А как известно, нет ничего хуже, чем человеку плохо засыпающему, ночевать в новом месте. Бывал он в редакциях журналов и газет, навещал знакомых. С 1905 года Чуковский живет в Петербурге, откуда до Москвы куда быстрее, нежели из Одессы. Постепенно растет и его известность не только как журналиста, но и критика, печатающегося в столичных изданиях. В 1908 году выходят новые книги: «От Чехова до наших дней», «Леонид Андреев, большой и маленький» и другие. Растет и переводческая активность. Узнают Чуковского и за границей — в 1916 году он вновь отправляется в Англию в числе приглашенных британскими властями журналистов. Уделяет Корней Иванович время и произведениям для детей. Октябрьский переворот 1917 года открыл перед ним большие перспективы как «специалистом» по Николаю Некрасову, творчество которого отвечало новым веяниям времени. И недаром советское правительство впоследствии наградит Чуковского самой высшей в СССР премией — Ленинской — именно за изучение Некрасова.

Вообще кажется странным, что Корней Иванович «не застал» Некрасова, родившись через десятилетие после кончины автора строк «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Ведь когда Чуковский появился на свет, были жили-здоровы Тургенев, Гончаров, Лев Толстой, Чехов, Лесков... А вот Некрасов как-то мало пожил, даже не догадываясь, кому он будет обязан своим изучением и новым прочтением после смерти. Благодаря Чуковскому были найдены и опубликованы многие произведения «народного поэта». Как-то раз в гости к Корнею Ивановичу заглянул однофамилец Николая Алексеевича — тоже Некрасов, но Виктор Платонович. В прихожей его спросили, как доложить: «Доложите, что пришел Некрасов!» И вдруг «из комнаты рядом с прихожей раздался веселый молодой хохот». Это смеялся хозяин дома: «Неправда, неправда... Некрасов давно умер. Это я знаю точно. — И опять хохот. — А ну-ка введите этого самозванца». Виктору Некрасову «запомнились, конечно, нос, веселый рот и еще более веселые озорные глаза Чуковского».

А еще Корней Иванович отличался весьма высоким (даже для писателя) ростом. Как выяснилось уже в 1940-е годы, в его внешности было и вправду что-то общее с генералом Де Голлем — президентом Франции:

Он был носатый, стройный, старый,
Овеянный военной славой,
Которой не забыли вы.
И в то же время не старик.
Не тень из прошлого, вернее.
Де Голль напоминал Корнея
Ивановича в тот миг.

Так казалось Константину Ваншенкину. Интересно: а самому генералу во время визита в Москву в 1966 году говорили, что он сильно похож на выдающегося советского поэта? Могли бы их даже познакомить и опубликовать совместное фото в «Советской культуре»...

Важнейшей основой изучения биографии писателя (в том числе и московского периода) служит дневник, который Чуковский вел всю сознательную жизнь — с 1901-го по 1969 год. Благодаря дневниковым записям можно судить и о том, чем занимался Корней Иванович в Москве, где бывал, с кем встречался. Но зачастую адрес он не указывал, что вполне понятно: дневник-то пишется для себя (хотя в те суровые времена читать его могли и другие «компетентные» люди). И потому мы попробуем установить эти адреса, хотя это и непросто, поскольку давно пропали с карты нашего города и дома, и даже целые улицы, по которым ходил Чуковский. Работа эта кропотливая и ранее в необходимом и полном объеме не осуществлялась.

Исследование московской биографии Корнея Ивановича позволило выявить и те здания, что остались даже спустя сто лет. Например, в июне 1919 года он приезжает в Москву читать лекции во Дворце искусств, что располагался в ту пору в национализированной усадьбе Соллогубов. Здесь нашли свое спасение от голода и холода оставшиеся в Москве писатели, художники, скульпторы, художники. Дворец искусств — и своего рода общежитие, и очаг культуры, где можно было получить и материальную пищу, и духовную пищу в виде концертов, спектаклей, различных учебных курсов.. Лекции Корнея Чуковского пришлись очень кстати, тем более что во дворце можно было и переночевать, и пообедать. В Петербурге на Невском проспекте открылся свой Дворец искусств — ДИСК, где Корней Иванович непременно бывал. Но Чуковскому не суждено было радовать московскую аудиторию долго: 9 февраля 1921 года Дворец искусств был закрыт «ввиду несоответствия деятельности задачам Наркомпроса и неоднократного нарушения отчетного порядка». Десять лет спустя в усадьбе надолго обоснуется Союз советских писателей, где не раз приходилось бывать Корнею Ивановичу (и частенько) в кабинетах всевозможных литературных шишек. Нынешний адрес усадьбы — **Поварская улица, 50/52.**

Два года спустя, весной 1921 года Чуковский приезжает в Москву уже в компании с Александром Блоком. К этому году Корней Иванович уже многодетный отец. У него было четверо детей: литератор и переводчик Николай Чуковский (1904—1965), прозаик Лидия Чуковская (1907—1996), инженер Борис Чуковский (1910—1941), Мария Чуковская (1920—1931). Чтобы прокормить семью, ее глава много работает. И труды его во многом связаны с Москвой. В частности, 15 декабря 1922 года Чуковский отмечает: «Бездельничая после Москвы. Все валится из рук. Печатаем „Мойдодыра“ и „Тараканище“...» Слово безделье следует воспринимать в ироническом смысле — такого трудягу надо было еще поискать. Ведь сам он называл себя «многостаночником», говоря о том, то жить не способен без работы. Отними у него перо — и перестанет дышать!

Почти весь предшествующий процитированной записи ноябрь 1922 года Корней Иванович провел в Москве (с 1918 года — столицы Советской России). Здесь он переводит пьесу ирландца Д. Синга «Плэйбой», которая будет издана уже в 1923 году под новым названием «Герой» в 1923 году.

Благодаря переводимой пьесе и тому, что Чуковский задержался в Москве на три недели, появился в дневнике и первый большой портрет города: «Живу в 1-й студии Худож. Театра на Советской площади, где у меня отличная комната (лиловый диван, бутафорский из „Катерины Ивановны“ Леонида Андреева) и электрич. лампа в 300 свеч. Очень я втянулся в эту странную жизнь и полюбил много и многих. Москву видел мало, т. к. сидел с утра до вечера и спешно переводил Плэйбоя. Но пробегая по улице — к Филиппову за хлебом или в будочку за яблоками, я замечал одно у всех выражение — счастья. Мужчины счастливы, что на свете есть карты, бега, вина и женщины; женщины с сладострастными, пьяными лицами прилипают грудями к оконным

стеклам на Кузнецком, где шелка и бриллианты. Красивого женского мяса — целые вагоны на каждом шагу, — любовь к вещам и удовольствиям страшная, — танцы в таком фаворе, что я знаю семейства, где люди сходятся в 7 час. вечера и до 2 часов ночи не успевают чаю напиться, работают ногами без отдыха: Дикси, фокстрот, one step и хорошие люди, актеры, писатели. Все живут зоологией и физиологией. <...> Психическая жизнь оскудела: в театрах стреляют, буффонят, увлекаются гротесками и проч. Но во всем этом есть одно превосходное качество: сила. Женщины дородны, у мужчин затылки дубовые. Вообще очень много дубовых людей, отличный матерьял для истории. Смотришь на этот дуб и совершенно спокоен за будущее: хорошо. Из дуба можно сделать все что угодно — и если из него сейчас не смастерить Достоевского, то для топорных работ это клад. (Нэп).» — запись от 27 ноября 1922 года.

Какая интересная картина нарисована Чуковским! Можно по ней сегодня изучать, что такое новая экономическая политика и как быстро изменились москвичи. Вот и знаменитая филипповская булочная вновь ожила, чтобы радовать покупателей своим богатым ассортиментом. Но почему автор дневника поселился «в 1-й студии Худож. Театра на Советской площади»? И где теперь этот адрес? Разберемся. Корней Иванович выполнял заказ для театра — премьеры пьесы «Герой» ожидалась в январе 1923 года в постановке Алексея Дикого. В Театральном музее им. Бахрушина ныне хранится даже программа спектакля. Вот Чуковскому и предоставили «служебное» жилье. Но где в 1922 году показывала свои спектакли труппа 1-й мхатовской студии? Откроем «Избранное» Алексея Дикого — книгу его мемуаров, вышедшую в 1976 году. Режиссер описывает «затемненный зал маленького театра на Скобелевской площади». Но ведь такой площади не было — памятник «белому генералу» Михаилу Скобелеву открыли в 1912 году, но площадь так и осталась Тверской. Это уже в народе ее переименовали в Скобелевскую. В 1922 году площадь уже называлась Советской, о чем и упоминается в дневнике Чуковского.

А особняк, где жил Корней Иванович осенью 1922 года, сохранился? Нет. Это был дом купца Варгина, где с 1913 года и давала спектакли 1-я студия МХТ (хорошо, что на старых афишах можно прочесть адрес театра!). Большой усадебный дом с привычным московским фронтоном стоял на углу с Тверской улицей и был снесен во время реконструкции уже «улицы Горького» в 1935 году. Ныне на его месте — огромная домина с книжным магазином на первом этаже (**Тверская улица, 8**). Интересно, что впоследствии Чуковскому придется жить совсем рядом, как говорят, рукой подать. Примечательно и другое: Алексей Дикий будет сидеть в одной камере с физиком Матвеем Бронштейном, зятем Корнея Ивановича. Дикому удастся выбраться из сталинских застенков, а Бронштейна расстреляют в 1938-м.

Пьеса «Герой» должна была выйти с предисловием переводчика. Однако «вдруг из Москвы бумага: „Так как Чуковский выражает свои собственные мысли — выбросить предисловие“. Еду в Москву бороться — за что? с кем? Признаюсь, меня больше всего уязвило не то, что пропала моя долгая работа, а то, что какой-то безграмотный писарь, тупица, самодовольный хам — смеет третировать мою старательную и трудно давшуюся статью, как некоторый хлам, которым он волен распоряжаться как вздумает» — из дневника от 12 февраля 1923 года.

Это было только началом — всю последующую жизнь тупицы и хамы с партбилетами будут донимать Чуковского похлеще, нежели голод и безденежье в те самые годы, когда он подростком разгружал баржи в одесском порту, клеил афиши по городу и счищал с крыш старую краску. Даже детские стихи не стали для него своеобразной отдушиной, куда влияние советской цензуры не распространялось. Нападки на Чуковского начались еще в 1920-е годы, особенно невзлюбила его мадам Крупская, кото-

рая, числясь после смерти Ленина в Наркомпросе, постоянно критиковала и нападала на писателя и его детские стихи. А творчество его и вовсе обозвали «чуковщиной».

Вот, например, резолюция общего собрания родителей кремлевского детсада: «Чуковский и его единомышленники дали много детских книг, но мы за 11 лет не знаем у них ни одной современной книги, в их книгах не затронута ни одной советской темы, ни одна книга не будит в ребенке социальных чувств, коллективных устремлений. Наоборот, у Чуковского и его соратников мы знаем книги, развивающие суеверие и страхи („Бармалей“, „Мой Додыр“, „Чудо-дерево“), восхваляющие мещанство и кулацкое накопление („Муха-цокотуха“, „Домок“), дающие неправильные представления о мире животных и насекомых („Крокодил“ и „Тараканище“). Но кроме Крупской и родителей кремлевского детсада, было кому травить Чуковского. Детишки из этого садика подросли и вслед за своими папами и мамами принялись шерстить творчество Корнея Ивановича. Но это уже были не детские шалости.

В результате доносов публичному разгрому подверглись две сказки Чуковского «Одолеем Бармалея» (1943) и «Бибигон» (1945). Поэтому они и стали для него последними в этом жанре. Чуковского вынудили уйти на время из детской литературы. Одну только его книгу «От двух до пяти» не издавали полтора десятка лет! Что уж говорить об издании других прежних стихов и сказок. А кто гнобил Чуковского? Вот один из тех, о ком поделился в своем дневнике Корней Иванович: «Когда умер сталинский мерзавец Щербаков, было решено поставить ему в Москве памятник. Водрузили пьедестал — и укрепили доску, возвещавшую, что здесь будет памятник А. С. Щербакову. По культурному уровню это был старший дворник. Когда я написал „Одолею Бармалея“, а художник Васильев донес на меня, будто я сказал, что напрасно он рисует рядом с Лениным — Сталина, меня вызвали в Кремль, и Щербаков, топая ногами, ругал меня матерно. Это потрясло меня. Я и не знал, что при каком бы то ни было строе всякая малограмотная сволочь имеет право кричать на седого писателя». Хорошо написано, с душой. И главное — правдиво.

Где находится Кремль, мы все знаем: **на Красной площади**. Это тоже теперь один из адресов Чуковского. А еще на него орали и кричали **на Старой площади**, в здании ЦК ВКП(б), где также был кабинет товарища Щербакова, секретаря ЦК, занимавшего с десяток государственных должностей: первый секретарь Московского городского и областного комитетов партии, начальник Главного политического управления Красной армии, кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), а еще депутат Верховного Совета СССР, и это еще не все.

А что до театральной студии на Тверской площади, то в ее здании Корней Иванович останавливался и позже. «Поездка в Москву. <...> Первый раз спал в вагоне — правда, под утро. Но спал. В Москве мороз. В Студию — комнат нет. Встретили растерянно, уклончиво: никому нет дела. Из уклончивых ответов я понял, что Синг провалился... Напившись в Студии чаю — в Госиздат. Новое здание — бывший магазин Мандля — чистота... Оттуда в „Красную Новь“ — издательство, вонючее, как казарма. Грязь, табачный дым, окурки, криво поставленные столы... Устал. Снова в Студию — там часа два канитель с устройством комнаты... Студию, оказывается, никто не приготовил ни одеяло, ни простыни, и я в обмороке. Наконец-то лег и спал минут 40» — запись от 14 февраля 1923 года.

Госиздат — Государственное издательство РСФСР — располагалось в бывшем торговом доме готового платья «М. и И. Мандль» на **Рождественке, 4/8**. Чуковскому туда нужно было обязательно попасть, как и любому советскому писателю, претендующему на издание своих произведений. Эта крупнейшая издательская организация, с 1919 года монополизировавшая право выпуска книг. Дружить с Госиздатом было вы-

нужденно необходимо. А вот и «Красная новь» — первый советский литературный журнал, редакция которого с 1921 года помещалась на **Сретенском бульваре, 6**. С него началась история «толстых» литературных журналов в СССР, чрезвычайно востребованных и писателями, и читателями. В «Красной нови» публиковались почти все пролетарские писатели. В 1937 году журнал проехался по новой книге Чуковского «Котауси и Мауси», оценив ее как «формалистическое кривлянье и рифмованное сюсюканье», закрепляющее «неправильности языка, встречающиеся у детей», и мешающее «развитию их речи». Спасибо, хоть не расстреляли... А через четыре года журнал перестал выходить. А на **Страстном бульваре, 11** устроился журнал «Огонек», в редакцию которого Корней Иванович «забегал» неоднократно.

Неудача с постановкой пьесы «Герой» в 1923 году не лучшим образом отразилась на московских зарисовках Чуковского: «В Москве теснота ужасная; в квартирах установился особый московский запах — от скопления человеческих тел. И в каждой квартире каждую минуту слышно спускание клозетной воды, клозет работает без перерыву. И на дверях записочка: один звонок такому-то, два звонка — такому-то, три звонка такому-то и т. д.» — 15 февраля 1923 года. Корней Иванович так пишет, будто в Петрограде атмосфера была совсем иной...

В апреле 1924 года Чуковский приезжает в Москву читать лекцию об Алексее Толстом: «Москва. Сегодня приехал. Лежу на постели в гостинице „Эрмитаж“ — через полчаса надо идти выступать в „Литературном Сегодня“, которое устраивает журнал „Рус. Современник“... Ночью я спал лишь благодаря вероналу — от 11 до 5. Ехал в международном со всеми удобствами — на счет Магарам. Москва взбудоражена — кажется, мы чересчур разрекламированы. В Эрмитаже остановились также Замятин и Ахматова. Ахматову видел мельком, она говорит, не могу по улице пройти — такой ужас мои афиши. Действительно по всему городу расклеены афиши: „прибывшая из Ленинграда только на единственный раз“. Сейчас я зайду за нею и повезу ее в Консерваторию. Она одевается. Эфрос очень недоволен сложившейся обстановкой: говорит, слишком много шуму вокруг „Современника“. Особенно худо, если увидят в нашем выступлении контрреволюцию» — 17 апреля 1924 года.

Гостиница «Эрмитаж», где остановились питерские писатели, находилась там же, где и известный ресторан, — на **Неглинной улице, 29**. А Н. Магарам — это издатель журнала «Русский современник», выходившего в Ленинграде в 1924 году. Он-то и привез на московские «гастроли» Чуковского с Ахматовой и Замятиным. На **Большой Никитской** в Московской консерватории Анна Андреевна побывала вместе с Чуковским.

Из Москвы приходили к Корнею Ивановичу самые разные новости — и приятные, и грустные. В начале 1925 года узнал он о том, что в Москве ставится балет «Мойдодыр» на музыку композитора Бориса Фомина. «В Москве всюду афиши о постановке моего „Мойдодыра“. Как же Мойдодыра-то ставить?» — озадачился Чуковский. А действительно: как танцевать главного героя? Щетку с мыльницей еще можно себе представить танцующими на сцене. Но умывальник с краном? В итоге 22 марта 1925 года Корней Иванович записал: «Очень туго пишется „Самоварный бунт“. Сижу по пять часов, вымучиваю две строки. Жаль, что я не сделался детским поэтом смолоду: тогда рифмы так и перли из меня. Дней пять назад были у меня из Москвы устроители детского балета на тему моего „Мойдодыра“. Они рассказывают, что на первом представлении к ним явились комсомольцы и запротестовали против строк: „А нечистым трубочистам — Стыд и срам“, так как трубочисты — почетное звание рабочих, и их оскорблять нельзя. Теперь с эстрады читают: „А нечистым, всем нечистым, т. е. чертям“». И такое бывало... Сегодня музыка (как и трубочисты!) балета прочно забыта, остались лишь ноты...

Москва с каждым новым годом советской власти превращается для Чуковского в своего рода скопление ветряных мельниц, с которыми зачастую бороться совершенно бесполезно. 15 августа 1925 года ему говорят прямо о том, что «решено в Москве — посократить Чуковского, пусть пишет социально-полезные книги. Так или иначе, не давать вам ходу. В Гублит поступила рецензия обо всех ваших детских книгах — и там указаны все ваши недостатки». И таких «рецензий» все больше. Через десять лет, 9 января 1936 года, он делает откровенное признание: «Всякая поездка в Москву стоит мне года жизни, и узнав о предстоящей поездке, я уже перестал спать за 5 дней до нее. Вчера принял вероналу...» А вот годом ранее: «Уезжаю из Москвы, ограбленный, морально изъязвленный». Нелепые цензурные придирки доводят автора «Мухи-Цокотухи» до изнеможения.

Но надо ехать, делать нечего! А мест в Москве все меньше. В «Националь» не пробыешься, в гостинице «Метрополь» все номера заняли делегаты очередного съезда, в итоге «опять для отдыха нет никаких перспектив. Пошел я в Б. Московскую, сел на диванчик — хоть плачь». А перед этим: «Вчера приехал в Москву. Ночь, проведенная мною в вагоне, была ужасна — вторая бессонная ночь. В Москве не оказалось в гостиницах номеров. <...> Наконец меня привезли в ун-ет (МГУ), зеленого, старого, с налитыми кровью глазами» — 19 января 1934 года. А еще Игорь Ильинский, должный выступать с Чуковским на утреннике, не выучил его стихи... И пришлось Корнею Ивановичу все внимание публики отвлекать на себя. А Большая Московская гостиница находилась в **Охотном Ряду**, рядом со строящейся гостиницей «Москва». Чуковский мог бы (если бы захотел) составить путеводитель по московским гостиницам.

Удивительное и другое — в тот самый день, когда в жизни столицы случилось бесповоротное событие, а именно взрыв храма Христа Спасителя, Корней Иванович не только оказался в городе, но и своими глазами видел происходящее варварство. Глаза эти были потухшими, выцветшими от слез: 10 ноября на двенадцатом году умерла младшая дочь Мурочка, похоронили ее в Алушке (могила долгое время считалась утраченной). Спустя 11 дней безутешные родители приезжают в Москву: «Нищие, осиротелые, смертельно истерзанные. Ночь не спал — но наркотиков не принимал, потому что от понтапона и веронала, принимаемых в поезде, стали дрожать руки и заболела голова. Москва накинута на нас, как дикий зверь, — беспощадно. С тяжелым портфелем, с чемоданом вышли мы оба на вокзале — М. Б. захотела ехать к Шатуновской». С Казанского вокзала, что на **Каланчевской площади**, они направились в Дом на набережной (**улица Серафимовича, 2**), дабы остановиться у Ольги Шатуновской, их хорошей знакомой, далеко не последнему человеку в московской партийной иерархии.

Пока ждали Шатуновскую, Корней Иванович чуть с ума не сошел: «Я приезжаю к Дому Правительства, ее нет. Ждать холодно, пальто у меня летнее, перчаток нет, я сажусь на чемодан, прямо на панели, на мосту — и вглядываюсь, вглядываюсь в прохожих. Ее нет. Тоска. Вот я — старик, так тяжело проработавший всю жизнь, сижу, без теплой одежды, на мосту, и все плюют и плюют мне в лицо, а вдали высится домина — неприступно-враждебный, и Мурочки нет — я испытал свирепое чувство тоски».

В Доме правительства обитала и семья Михаила Кольцова, также хорошо знакомого Чуковскому. У Кольцова он тоже впоследствии останавливался переночевать. Шик и блеск, с которыми жила в Москве советская партийная и культурная верхушка, поразили Корнея Ивановича прежде всего «великолепием своей жизни, по сравнению с нашей алушкинской. Мебель изящнейшая, горячая вода день и ночь, комфортабельные диваны, лифт, высокие комнаты. Сказано: Дом Правительства. У них я почувствовал себя даже слишком уютно». Это у Шатуновской. А вот у Кольцова: «Роскошь,

в к-рой живет Кольцов, — после Алупки ошеломила меня. На столе десятки закусок. Четыре больших комнаты. Есть даже высшее достижение комфорта, почти недостижимое в Москве: приятная пустота в кабинете. Всего пять-шесть вещей, хотя хватило бы места для тридцати...»

И надо же такому случиться. Накануне 5 декабря — даты взрыва храма Христа Спасителя — Чуковский должен был покинуть столицу на «Красной стреле» с Ленинградского вокзала. Но — билетов не достать! С огромным трудом по партийному благу удалось достать билет. Словно все захотели в тот день срочно оставить Москву! И вот: «День солнечный, морозный, с серебряными дымами, с голубизною неба. Трамвай № 10 повез меня не на Каменный мост, а на Замоскворецкий, так как поблизости взрывают Храм Христа Спасителя. Выпала пушка — три раза — и через пять минут, не раньше, взлетел сизый — прекрасный на солнце дым. Красноносые (от холода) мальчишки сидят на заборах и на кучах земли, запорошенных снегом... И новый взрыв — и дым — и средняя башня становится совсем кургузой. Баба глядит и плачет. Я подошел по другому берегу Москва-реки — и когда подошел почти к самому Каменному мосту — нельзя, патруль...» Чуковский уже ехал в «Красной стреле», а вандализм на Волхонке все продолжался. Снести столь огромный храм в за день большевикам-ударникам оказалось не под силу...

Разница в уровне жизни ленинградских и московских инженеров человеческих душ была для Чуковского очевидна. «Похоже, что в Москве всех писателей повысили в чине. Все завели себе стильные квартиры, обзавелись шубами, любовницами, полюбили сытую жирную жизнь. В Проезде Худ. Театра против здания этого театра выстроили особняк для писателей. Я вчера был там у Сейфуллиной. У нее приятно то, что нет этого сытого, хамского стиля» — 24 ноября 1931 года. Лидия Сейфуллина жила в одном из первых писательских кооперативов, что и по сей день стоит в Камергерском переулке.

Журнально-издательская канитель в Москве продолжается, и кажется, что никогда не закончится: «О, как надоело мне это мыканье по редакционным передням, которому не видно конца», — пишет он 4 марта 1932 года. Непонятно — когда же все это закончится? «Но каково Марии Борисовне после всего, что она пережила, гонять в виде отдыха по финотделам и канцеляриям! Казалось бы, ну много ли нам нужно: ведь всего два человека. А между тем оба работаем каторжно, и вот уже 3-й месяц не могу положить в Сберкассу 300 рублей, и продал книги, и весь в долгах. <...> Вчера ездил в „Лит. Газ.“ за деньгами трамваем „А“. И смотрел из окна на Москву. И на протяжении всех тех километров, к-рые сделал трамвай, я видел одно: 95 проц. всех проходящих женщин нагружены какою-ниб. тяжестью: жестянками от керосина, корзинами, кошелками, мешками. И чем старше женщина, тем тяжелей ее груз. Только молодые попадают порою с пустыми руками. Но их мало. Так плохо организована добыча провизии, что каждая „хозяйка“ превратилась в верблюдицу. В трамваях эти мешки и кульки — истинное народное бедствие. Мне всю спину моего пальто измазали вонючею рыбою, а вчера я видел, как в трамвае у женщины из размокшей бумаги посыпались на пол соленые огурцы и когда она стала спасать их, из другого кулька вылетели струю бисквиты, тотчас же затоптанные ногами остервенелых пассажиров. Это явление обычное, т. к. оберточная бумага слабей паутины». Написано в 1931-м, а кажется, что и в 1971 году. Придя домой, эти женщины (несколько поколений подряд!), сварганив на коммунальной кухне нехитрый ужин, принимались укладывать своих детишек спать, читая им на ночь стихи того человека, которому всю спину изгадили какой-то рыбой. Вероятно, пятно на пальто не удалось вывести, и потому несколько лет спустя, осенью 1938-го Корней Иванович напишет сыну Николаю: «Очень хочется в Ле-

нинград. О Москве думаю с тошнотой». В те дни он уже будет «как бы» москвичом, дачу в Переделкине уже получит (теперь уже это территория столицы!). А вот квартиру еще нет — в ожидании жилплощади жить пока приходится в гостинице «Москва». Но совсем скоро дадут и квартиру, и даже машину, так что на трамвае «А» — «Аннушке» — ездить не придется.

Переезд семьи Чуковских в Москву в 1938 году интерпретируют по-разному. Часто причиной называют желание покинуть Ленинград, который в те годы захлестнула волна репрессий. С этой точкой зрения трудно согласиться, поскольку масштабы арестов были огромны и пострадать можно было независимо от места жительства. Будь то крупный город или заштатный райцентр. Растет значение Москвы и в другом отношении: только здесь находится та сила, которая способна облегчить положение невинно осужденных. Вот и едут в столицу люди с надеждой на чудо, обивая пороги приемной «дедушки Калинина» на Воздвиженке, стучась в приемную главных карательных органов на Кузнецком Мосту.

Москва все дальше и дальше отдалается от Ленинграда, превращающегося в «великий город с областной судьбой». В одном из своих писем тех лет старшая дочь Лидия даже называет его «провинциальным». И не случайно 20 июня 1934 года Чуковский отмечает: «Теперь в Москве ко мне относятся так, будто я ничего другого не написал, кроме детских стихов, но зато будто по части детских стихов я классик. Все это, конечно, глубоко обидно». А классикам полагаются в Советском Союзе совсем иные условия жизни, нежели всем остальным писателям. Можно ли сказать, что Чуковского «назначили» классиком? Вполне.

Переезд случился ни в один день, это было, судя по записям Чуковского, вымученное решение. Смерть в 1931 году от туберкулеза Мурочки — любимой, последней дочери (как говорят в народе, «последыша»), необходимость делить жилплощадь ленинградской квартиры — где когда-то звучал звонкий девичий смех — с чужими людьми (Чуковского уплотнили, подселив к нему жильцов) — все это не могло не привести к мысли покинуть Ленинград. «Корней Иванович начинал хлопоты о переезде в Москву через Детиздат. Поначалу казалось, что его усилия увенчались успехом. В 1936 году заведующий Детиздатом Григорий Цыпин обещал Чуковскому пятикомнатную квартиру на 1-й Мещанской улице, это обещание было выдано даже на фирменном бланке. Корней Иванович начал обсуждать с женой план переезда более конкретно. Но все сорвалось: в конце 1937 года Григория Евгеньевича арестовали, через год расстреляли. Следующих благодетелей Чуковского постигает та же судьба, что и Цыпина. Вопрос с переездом решался еще какое-то время. И только в 1938 году, когда Корней Иванович обратился в ЦК комсомола, Литфонд выделил Чуковскому сначала дачу в писательском поселке Переделкино, а затем уже и квартиру в Москве на Тверской — в обмен на его жилье в Ленинграде. Новую квартиру жена Корнея Ивановича Мария Борисовна обустроила по своему вкусу. Стены были синего цвета оттенка индиго. Мебель в гостиной была из карельской березы. Гостей принимали в центральной комнате за круглым столом. Она же обставляла и переделкинскую дачу», — сообщает чуковед Юлия Сычева.

«Москва поражает новизной. Давно ли я был в ней, а вот хожу по новым улицам мимо новых многоэтажных домов и даже не помню, что же здесь было раньше», — удивляется Чуковский 1 декабря 1934 года. В одном из таких новых домов на улице Горького нашлась квартира и для Корнея Ивановича. И не в Лаврушинском переулке — писательском муравейнике, а на главной улице советской столицы, где, словно на витрине, живут самые достойные деятели культуры, науки, наркомы. И не только на витрине — а еще и под микроскопом. Каждая квартира густо заселена невидимыми жиль-

цами — жучками. Травить их бесполезно, они недохнут. А «видеонаблюдение» осуществляют лифтерши и дворники, они же непреременные понятия при арестах. А что, удобно: дело свое знают, да и фамилии их сотрудники НКВД уже почти выучили наизусть, удобно в протоколы вносить во время обысков.

Валентин Берестов, не раз бывавший у Чуковского в гостях, рассказывал о своих прогулках с ним по Москве: «Провожая Чуковского домой. Последние круги по двору. Идем против часовой стрелки. А по часовой стрелке прогуливается какая-то неясная фигура. Чуковский говорит о Некрасове, о Панаеве, и вдруг: „Нужно учиться работать у Иосифа Виссарионовича. Вот мы с вами ляжем спать, а свет в его кабинете будет гореть до самого утра!“ И как ни в чем не бывало возвращается к Некрасову и Панаеву. Завершаем еще один круг, и опять ни с того ни с сего: „Нет-нет, «Двенадцать стульев» и вправду может оказать нежелательное влияние на часть молодежи!“ Что такое? Он же любит Ильфа и Петрова! Темная фигура проходит мимо нас. Чуковский прощается. Скоро девять, а в пять утра ему снова приниматься за работу». Чуковский сыграл эту сценку специально для предполагаемого топтуна, коих во дворах улицы Горького было великое множество (не говоря уже о самом «московском Бродвее»).

Жить на улице Горького было Чуковскому удобно: под боком Московский университет **на Моховой**, где он не раз выступал, многие издательства, да взять хотя бы «Советский писатель» **в Большом Гнезниковском переулке, 10**, любимая сберкасса, магазин «Канцтовары», а главное — Ленинская библиотека на углу **с Воздвиженкой**, которую однажды он сравнил с санаторием: и тихо, и соседи на полках стоят хорошие и знакомые. Диккенс, например, а еще Чехов, Пушкин, Толстой. Не так далеко и Политехнический музей **на Новой площади**, в аудитории которого Чуковский выступал и давным-давно, и по случаю своего восьмидесятилетия в 1962 году.

Вообще будет справедливым сделать такой вывод, что нынешняя Тверская — это улица Корнея Чуковского. Удивительно, как эта ассоциация раньше никому не пришла в голову. Пожалуй, это единственный писатель, так кровно к ней привязанный. Здесь можно было запросто встретить его гуляющим. Как Евгений Шварц: «Ты знаешь, иду вчера вечером по улице Горького мимо телеграфа и вдруг вижу навстречу — кого ты думаешь? — Корней Иванович! Ты не поверишь, я сам удивился, до чего ж меня обрадовала эта встреча! А главное, ведь и он тоже обрадовался. Честное слово! Так обнимал, такие симпатичные, удивительно положительные слова по моему адресу употреблял... И добавил уже другим тоном, даже с некоторой грустью:

— Ты, конечно, был прав, я ошельмовал Корнея в своем „Белом волке“. Написалось с маху, сгоряча, под влиянием минуты...

Найду время, непременно перепису. И — не нашел, не переписал, не успел». Так он рассказывал Леониду Пантелееву.

В очерке «Белый волк» Шварц — не только известный драматург, но и в прошлом литературный секретарь Чуковского — нарисовал его портрет. И многие подлинные черты, надо сказать, он подметил. Но это был Чуковский 1920-х годов, еще ленинградец. Не стоит шварцевский рисунок превращать в многогранное полотно, запечатлевшее для нас всего Чуковского. Да это и невозможно по той же причине — почти за девяносто лет человек не мог не измениться.

С 1939 года маршрут улица Горького — Переделкино станет для Корнея Ивановича обыденным. Прервется он с началом войны, когда советских писателей отправили в эвакуацию в Среднюю Азию. Чуковский вернется в Москву задолго до победы и обнаружит в квартире чужих людей — семью работника НКВД. А кто же еще мог внаглую занять пустующую жилплощадь на улице Горького? Только они и способны были на это. Благодаря некоему волшебному номеру телефона оккупантов

удастся быстро выселить. А то пришлось бы вновь жить в коммуналке, как давеча в Ленинграде.

В другой раз Лидия Либединская встретит одинокого Чуковского в **Центральном Доме литераторов** на Поварской улице — осенью 1942 года, в дубовом зале ресторана: «Я увидела Корнея Ивановича. Мы были знакомы раньше. Впрочем, назвать это знакомством трудно. Мне было лет тринадцать, когда мама, отправляясь к Чуковскому по какому-то редакционному делу, взяла меня с собой. Надежды на то, что Корней Иванович запомнил меня, не было никакой... Я набралась смелости и поздоровалась. К моему удивлению, Корней Иванович сразу узнал меня». Корней Иванович усадил Либединскую за стол, рассказал о недавно постигшем его горе — гибели на фронте сына Бориса. А в Москве он затем, чтобы встретиться со старшим Николаем, которому дали отпуск для встречи с отцом. С собой из Ташкента Корней Иванович привез новую сказку «Одолеем Бармалея».

«Сейчас вы пойдете со мной. Очень не хочется возвращаться одному в пустую квартиру», — сказал Чуковский. И они прошли на улицу Горького: «Комнаты, в которых целый год никто не жил, зрелище грустное. Беспорядок, затхлость — свидетельство беды, заставившей хозяев покинуть свое жилище. Впрочем, вокруг Корнея Ивановича становилось сразу обжито и уютно. Стоило только управиться с пылью, покрывавшей большой письменный стол и книжные полки, подмести пол и растворить настесь окна, а Корней Иванович уже расположился в кресле, прикрыв пледом колени. С улицы тянуло сентябрьской свежестью, после жаркого Ташкента прохлада казалась непривычной, он зябко кутался. Стемнело. Пришлось закрыть окна, опустить маскировочные шторы. В комнате сразу стало тихо. Длинными своими руками, почти не меняя позы, Корней Иванович доставал с полка то одну книгу, то другую, бережно листал и аккуратно ставил на прежнее место. Казалось, он здоровается с ними. Я возилась на кухне — варила рис, привезенный Корнеем. Ивановичем из Ташкента в белоснежном полотняном мешочке. Вдруг он позвал меня».

Он устроил Либединской экзамен, «гоняя» ее по датам рождения великих русских писателей. И лишь на Тургеневе и Некрасове она «срезалась». Чуковский отчитал девушку: «Не помните? Вы пишете стихи, вы собираетесь, насколько я понимаю, стать профессиональным литератором, даже учитесь в Литературном институте!.. А что может быть страшнее полуграмотного литератора?!» И затем подарил томик тургеневских писем 1884 года издания. Накормив ужином, еще до комендантского часа Корней Иванович отпустил ее домой, читать Тургенева.

На следующий день они поехали в Переделкино, где Корней Иванович захотел показать в саду то место, где в прошлом году он думал зарыть «Чукоккалу». Хорошо еще, что выкопавший ее соседский сторож не пустил бесценные страницы на самокрутку. Так она и сохранилась. А в переделкинском доме стояла в те дни военная часть.

В годы войны Чуковский даст приют всей большой семье. «В годы войны мы жили вместе с Корнеем Ивановичем в его московской квартире — с марта 1943 года. Он только что вернулся из ташкентской эвакуации. Побывавшему в Москве до этого (в сентябре 1942 года) моему отцу Николаю Корнеевичу московская жизнь показалась раем после ленинградской блокады, и он стал просить К. И. взять нас в Москву из Перми, где мы голодали и холодали. К. И. был тогда достаточно „могущественен“ для этого. Перевод состоялся быстро. Мы получили пропуска на въезд и прописку. Выигрыша не оказалось никакого, кроме климатического. Москва была прифронтовым городом: Смоленск был в руках гитлеровцев. Часто нас беспокоили ночные тревоги, хотя ни одного состоявшегося налета уже не припоминаю. Карточки плохо и неполно „отovarивались“, причем за всеми продуктами, кроме хлеба, надо было стоять в очередях.

Большинство домов было „законсервировано“, то есть там не было ни газа, ни отопления, а электричество включали „по лимиту“. Исчерпали лимит — вас отключают! А жили-то в коммунальных квартирах, как тут уследишь! К счастью, дом К. И. отапливался и даже имел горячую воду, и лимита на свет не было. Неохотно спускаясь в бомбоубежище, К. И. брал с собой только папку с „Чукоккалой“... Осенью 1943 года в квартире К. И. переехала из Ташкента Лидия Корнеевна с дочкой Люшей, и мы стали жить ввосьмером», — свидетельствует наименее известная внучка Наталья Костюкова.

«Солнце. Теплынь. Сажу на ул. Горького с раскрытым окном. Позвонил Леонов. Не хочу ли проехать в Переделкино? Заехал за мною, — в пути стал рассказывать свой роман...» — отметил Чуковский 4 марта 1951 года в дневнике. Он и сам бы мог написать роман, и не один, если бы не мешали. Чуковский так говорил о своей долгой жизни в литературе: «Когда я начинал, то был самым молодым среди писателей, а сейчас я уже старейший писатель». Так он стал и старейшим жителем Переделкина. И одним из самых работающих. Чтобы посетители не отвлекали от работы, на стене дачи повесили табличку: «Прошу даже самых близких друзей приходить только по воскресеньям». Это был первый «фильтр», а вот второй — внутри дачи, перед лестницей на второй этаж, где был кабинет Чуковского: «Дорогие гости! Если бы хозяин этого дома даже умолял вас остаться дольше девяти часов вечера — не соглашайтесь!»

Многие восхищались плодовитостью и трудолюбием Деда — так любовно звали его в семье — особенно более юные литераторы. Очень проникновенно выразили свое почтение к нему Лев Копелев и Раиса Орлова: «С годами он постепенно убедился: чтобы вырастить колос, недостаточно самого сильного желания, — необходима долгая, упрямая, часто неблагодарная работа. И необходимо время. Он убеждался, что на высоты культуры нельзя вбежать, что ни колос, ни человек, ни книга не созревают ускоренно, досрочно. Ему посчастливилось. Годы оттепели пришлись ему как раз в пору. Его сосредоточенная воля восторжествовала. Он дожил до той поры, когда его сокровенные накопления стали жизненно необходимы для множества людей. И он — щедрый скупой рыцарь — успел раздать немалую часть своих сокровищ.

Под его рабочим столом в переделкинском кабинете стоял сундучок, в котором лежали стопы пожелтевших листов, тетради, записные книжки. К. И. годами собирал рукописи Некрасова. В том же сундучке хранились рукописи Толстого и Чехова... В кабинете, где стоял заветный сундучок, Корней Иванович слушал стихи молодых поэтов, читал рукописи начинающих писателей, разбирал их, критиковал, хвалил. И тогда связь времен становилась явственной, зримой, осязаемой. Входя в эту комнату, мы испытывали и жадное любопытство, и счастливое сознание причастности. Корней Чуковский олицетворял бесконечность, непрерывность жизни русского слова. Каждый раз мы уходили от него со смешанными чувствами — стыда и радости. Стыдно было за то, что так мало сделали сами, так легкомысленно расходуем время и силы, так невзыскательны к себе и к друзьям... И всегда радовались, что он есть. Дожил. Вопреки всему — успел. Не только посеял, но и увидел хоть некоторые плоды. Он жил долго. К счастью для русской культуры».

Вот кого нужно было награждать золотой звездой Героя Социалистического Труда! А ведь каких только писателей не удостоили этой «высокой награды Родины» — попробуй сейчас вспомни! Но куда там — Чуковский столько «нехороших» писем подписал, в частности, против реабилитации Сталина в 1966 году, в защиту диссидентов, что ему «Гертруда» была не положена. Да еще и дочь-правозащитницу воспитал! Зато было у него четыре ордена Трудового Красного Знамени и один орден Ленина. Всего пять орденов — как внуков, по одному на каждого.

Кстати, внуков Корней Иванович приучал к труду собственным примером, один из них, Евгений Чуковский, благодарен деду: «В нашей семье... каждый имел обязан-

ности. Кстати, после войны в Переделкине было пропасть земляники, мы собирали ее и знали, что первая кружка — Деду, вторая — бабушке, а третья — уже себе. Корней Иванович бездельников не то что не любил — презирал. Он ни разу не отдыхал в том понимании — лежать днями на пляже. Обычно, закончив большую работу, еще усталый, через несколько дней садился за стол, писал. Иначе, говорил, скучно. Сам умел многое. В молодости был маляром. По его словам, эта работа способствовала изучению английского: крася крышу, он выводил на ней разноцветной краской слова — так быстрее они запоминались, а потом закрывал все общим тоном. Когда ему было за восемьдесят, пришли маляры. Дед взбунтовался: это же тяп-ляп! Влез на крышу и продемонстрировал, как должно красить. Те вылупили глаза — его квалификация оказалась намного выше. И меня, и соседских ребят учил этому ремеслу. Устраивал конкурсы. Тому, кто лучше выкрасит скамейку и при этом меньше всех измажется, давал грушу. А как здорово он умел грести! Соберет ребят — и на пруд. Сядет в лодку, показывает, как надо держать весла, чтобы, потратив меньше сил, получить больший эффект. В школе я был плохим учеником. Корней Иванович считал, что дело не в том, кто учится, а кто учит. Разбор предложений, нудный на школьных уроках, Дед превращал в увлекательную игру. Но учить английский заставлял». Какой хороший дедушка! Хорошо известна просветительская деятельность Чуковского, превратившего свою дачу (**на улице Серафимовича, 3**) в уникальный и гостеприимный дом, где хорошо было не только его внукам, но и другим детишкам. А сколько сил и нервов потребовалось Корнею Ивановичу, чтобы выстроить библиотеку (на свои же средства!). По-соседски заглядывал он и к коллегам по цеху. Правда, не ко всем — с иными и здороваться не хотелось, такова была специфическая атмосфера и в самом Переделкине, да и в Союзе писателей, наполненном самыми разными персонажами.

А вот к Борису Пастернаку Чуковский не преминул зайти — одним из первых с поздравлением по случаю присвоения в 1958 году Нобелевской премии, на **улицу Павленко, 3**. Хотя он мог бы просто позвонить по телефону. Но в том-то и дело, что это чудо цивилизации Чуковский не очень-то жаловал (в этом он был схож со Львом Толстым). Лидия Корнеевна рассказывала, что «Переделкино заставило его до некоторой степени примириться с телефоном. Все дела его, все издательства, все хлопоты были в Москве. Без телефона не обойдешься. Особенно в самые последние годы, когда ездить в Москву он перестал совсем. Разумеется, Клара Израилевна и все мы, дежурившие при нем поочередно, сортировали звонки и старались не обременять его телефоном. И все-таки дела, собственные и чужие, вынуждали Корнея Ивановича нередко пользоваться ненавистным ему аппаратом. Дождавшись, когда Клара Израилевна (секретарь. — А. В.) или Марина Николаевна (невестка. — А. В.) раз добудут все необходимые номера, фамилии, названия, имена, отчества, пока они соединят его с городом, он сам брался за трубку». Звонить приходилось постоянно — просить всякое там начальство, врачей, ходатайствовать за других, но только не за себя. Так сказать, торговать фамилией.

Зато пешком в Москву (по примеру Льва Толстого) Чуковский ходить не отваживался. А зря — ведь он мог встретить по дороге много самых разных людей, интерес к которым был неподдельным. Особенно к незнакомым, как выразилась Лидия Корнеевна, «ему хотелось рассмотреть каждого нового человека снаружи и изнутри; рассмотреть, растормошить, или, точнее, распотрошить, как хочется детям распотрошить новую игрушку: что за пружины заставляют медведя рывкаться, а солдата отдавать честь?» Но и наличие машины не препятствовало проявлению этого интереса: «Когда, уже в поздние годы, он ехал, бывало, из Переделкина на собственной машине в Москву, он не только, само собой разумеется, прихватывал по дороге каждого, кто

поднимал руку, но и сам зазывал пешеходов в машину, — увидит старика с мешком на спине или женщину с ребенком на руках и щелкнет дверцей: „Садитесь — подвезу!“ Делал он это из естественного желания облегчить путь нагруженному пешеходу, но также и из любознательности. Проехать мимо человека он не мог». Заботили Корнея Ивановича и бытовые проблемы случайных попутчиков. Если бы его выдвинули в депутаты пусть даже не Верховного Совета, а всего лишь Московской области — он был бы, несомненно, очень хорошим народным избранником. И причиной головной боли и бессонницы не только у себя, но и всяких чиновников-бюрократов. Поэтому и не выдвинули.

«Получила за лето несколько писем от Елены Мих., два последних из Переделкина, где она гостит у К. И. Чуковского, который отнесся к ней, как к родной. Кажется, сейчас все известно: и кто оклеветал ее, и какими методами добивались „сознания“. И вот нет возможности добиться снятия судимости, судимости, заведомо неправильной, порочной. Чуковский хлопочет два месяца, пришлось Е. М. поехать в Ленинград — добьется ли она чего-нибудь?» — записала в дневнике 23 августа 1955 года художник Любовь Шапорина. Речь идет об освобожденной из лагеря ленинградском литераторе Елене Тагер, о реабилитации которой хлопотал Чуковский. Сколько сил он потратил на бескорыстную помощь репрессированным — даже трудно подсчитать. Уже факт того, что в переделкинском доме Чуковского жил Александр Солженицын, говорит сам за себя.

12 апреля 1962 года Чуковского в Переделкине навесит Александр Твардовский с радостной вестью о присуждении Ленинской премии. Почему Твардовскому было важно «привезти» премию Чуковскому? Александр Трифонович ответил добром на добро. Он хорошо помнил, что когда еще до войны вышла из печати его поэма «Страна Муравия», первым, кто поздравил молодого поэта, был именно Корней Чуковский. «Тогда для меня это было письмо писателя из писателей», — признавался Твардовский критику Алексею Кондратовичу 18 декабря 1968 года. И прибавил: «Да, он всегда был немолод». Примечательно, что о литературных способностях детей Чуковского — Николая и Лидии — Твардовский был не лучшего мнения, говоря про «Н. Чуковского, бездарного литераторского сына, ставшего литератором, как и сестра, по обстоятельствам рождения, обстановки — автоматически» — запись в дневнике от 20 августа 1965 года.

Все перипетии присуждения Ленинской премии скрыты ныне в анналах Российского архива литературы и искусства. Хотя кто сегодня ее помнит? А вот степень доктора Оксфордского университета присваивают до сих пор, ее обладателем Корней Иванович стал в 1962 году. Но почему Чуковского не избрали в Академию наук СССР, куда попали и Шолохов, и Федин, и Леонов? Писателей определяли туда по специальной квоте. Корней Иванович был не менее достоин, учитывая его литературоведческие труды. Хорошо на этот счет отозвался Твардовский: «Потому и не стал академиком, что принял доктора Оксфордского университета. Ах ты... доктор Оксфордского! Так — на тебе!» — из дневника А. Кондратовича от 29 октября 1969 года.

За рубежом Чуковского хорошо знали, переводили и издавали. Корней Иванович любил вспоминать, какие казусы происходили иногда с переводами его некоторых стихов, например, когда «бедный крокодил жабу проглотил» перевели как «бедный крокодил позабыл, как улыбаться». Забавно. Разные зверюшки не обходили стороной и переделкинскую дачу писателя. Литератор Александра Бруштейн утверждала, что Чуковского знала там каждая собака: «Почти одновременно с выходом на улицу... к нему стремительно мчатся отовсюду собаки! Всякие — свои и чужие, породистые собачьи аристократы и лохматые дворовые псы, разномастные, с самыми несхожими ушами и хвостами. Всех их объединяет одно чувство: они обожают „Отшельника“! Они

бегают вокруг него, прыгают, лают, но не грозно, а радостно, словно сообщают всему миру: „Вот он, вот он, наш дорогой друг!“» Трогательно... Сегодня в бывшем переделкинском доме дедушки Корнея — удивительный музей. Здесь, кстати, висит и оксфордская мантия.... А неподалеку появилась наконец и улица Корнея Чуковского.